

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
1870 г.  
~~~~~

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

жающихъ (или догоняющихъ), которые, спросивши его: не видалъ ли онъ императора въ кибиткѣ? увѣрили, что говорилъ съ нимъ, или обруганъ имъ былъ дѣйствительно Наполеонъ.

Пора бы кончить! Но письмо не письмомъ безъ всепокорнѣйшей моеѣ просьбы усилить меня комплетнымъ казачьимъ полкомъ. Ради Бога, ваше превосходительство, исходатайствуйте мнѣ ету милость. Неравно что-нибудь прикажутъ, ей-ей не въ состояніи буду выполнить приказаніе—а это, вы знаете, не въ моихъ правилахъ. Увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ хорошемъ расположеніи, съ истеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, вашего превосходительства, покорный слуга Денисъ Давыдовъ.

Р. S. Когда меня усилите, нельзя-ли мнѣ позволить дѣйствовать своевольно? Авось-ли что нибудь сотворю.

26 декабря, Соколы.

Примѣчаніе. Интересное письмо это принадлежитъ знаменитому партизану Денису-Давыдову (р. 1784 ум. 1839 г.) бывшему въ 1812 году подполковникомъ Ахтырскаго гусарскаго полка, и писано имъ къ бывшему въ отечественную войну дежурному генералу всѣхъ російскихъ армій П. П. Коновницину (р. 1766, ум. 1822 г.). Письмо напечатано нами съ подлинника, имѣющагося въ Кутузовскомъ архивѣ, принадлежащемъ Федору Константиновичу Опочинину.

Ред.

— Мнѣніе мелкаго германскаго владѣльца о внѣшней политикѣ императора Александра I въ 1822 г. Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ небольшую, но довольно характеристичную выдержку, въ переводѣ, съ подлиннаго, на французскомъ языкѣ, письма Фердинанда, герцога Ангальтскаго къ В. П. Фрейгангу, бывшему въ 1822 г. русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Саксоніи. Ред.

„Милостивый государь!..... Дѣло Греціи кажется клонится къ концу и я изъ всего сердца поздравляю государя, вашего августѣйшаго повелителя, который своею неподражаемою умѣренностью такъ хорошо доказалъ, что онъ истинный христіанинъ. Императоръ счумѣлъ побѣдить Наполеона; теперь же онъ самъ себя побѣдилъ; предстоитъ ему еще побѣдить, помощью Бога и Святого Союза, опустошительное начало революціонеровъ, будь они карбонари, гетеристы, тевтоны, арминіанцы, радикалы, или какъ бы они себя ни называли. Прошу васъ сохранить мнѣ вашу дружбу и вѣрить моеѣ къ вамъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Фердинандъ, герцогъ ангальтскій.

Кетень, 8 іюня, 1822 г.

Сообщ. А. В. Фрейгангъ.

Польскій вопросъ въ 1839 году.

Есть политическія убѣжденія, лишеныя всякаго основанія, и логическаго и историческаго, не выдерживающія ни малѣйшей безпристрастной критики, и которыя однакожъ, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ существовать многіе годы, передаются безсознательно изъ поколѣнія въ поколѣніе и находятъ отголосокъ не только въ публикѣ профа-

новъ, но и въ парламентахъ. Къ такимъ страннымъ убѣжденіямъ можно причислить возгласы о несчастіи жителей бывшей Польши (разумѣя ея въ границахъ XVIII-го вѣка) не имѣть болѣе отечества и самостоятельнаго политическаго бытія. Позвольте, господа проникнутые этимъ убѣжденіемъ, спросить васъ, во-1-хъ, что такое, по вашему мнѣнію, было отечествомъ этихъ жителей? и во 2-хъ, когда они наслаждались самостоятельнымъ существованіемъ какъ отдѣльный цѣлый народъ? По исторіи извѣстно, что экс-королевство польское было составлено изъ разныхъ народовъ, бывшихъ постоянно въ нравственномъ между собою раздѣленіи, которое всегда намѣренно поддерживалось разными правительствами, не имѣвшими между собою ничего общаго. Первоначально одна Мазовія управлялась польскими великими князьями, принявшими впослѣдствіи титулъ королей. Потомъ притянуты къ ней были, разными способами, другія, окружавшія ее племена, и преимущественно славяне, совершенно однородные съ тѣми, которые населяли Россію. Болѣе девяти-десятихъ этихъ племенъ находились разновременно подъ властію то русскихъ, то литовскихъ князей, то наконецъ тевтонскихъ наѣздивковъ, которые вторгались, съ огнемъ и мечемъ, въ ихъ мирныя села и городища, носившія, по большей части, имена русскихъ, несвойственныя нарѣчію польскому, какъ-то: „Борисовъ“, „Игуменъ“, „Люблинъ“, „Щучинъ“ и пр., что одно уже доказываетъ ихъ родовое происхожденіе (я привожу только тѣ, которые находились въ самой серединѣ польскаго королевства, не упоминая ни о „Владимірѣ“, ни о другихъ, бывшихъ на его окраинахъ и извѣстныхъ, уже исторически, какъ русскіе). Всѣ жители земель, лежащихъ между рѣками Донцомъ и Саномъ, до горъ Карпатскихъ (не Крапакскихъ, какъ ихъ коверкаютъ нѣкоторые французскіе географы) такъ очевидно одноплеменны, что едва замѣтна разница въ жилищахъ, костюмахъ, обычаяхъ, вѣрѣ и языкѣ. Русская вѣра и русский языкъ были до того владычествующими въ Польшѣ, что библія и сводъ законовъ впервые явились тамъ въ печати на языкѣ русскомъ, буквами русскими, церковными, ранѣе изданій московскихъ. А ужъ конечно нѣкто не скажетъ, что типографіи въ Вильнѣ и Острогѣ заводились, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ угоду москалей. Коренные польскіе историки, до конца этого вѣка, не иначе называли большую часть своего королевства какъ Россіей. Кромеръ *) разумѣетъ подъ именемъ собственно Польши только округи: Познанскій, Калишскій, Мазовецкій и Ленчицкій. Вотъ подлинныя его слова въ главѣ о царствованіи Болеслава III Кривоустаго: „Уступилъ Болеславъ брату своему Сбигнею Мазовію, Куявію и землю Ленчицкую, оставивъ себѣ все прочее вмѣстѣ съ верховною властію. Но чтобъ онъ уступилъ ему Большую

*) См. сочиненіе Кромера: «De origine et rebus gestis Polonorum», — Краковъ, 1548 года. Изданіе, находящееся въ библіотекѣ харьковскаго университета, весьма рѣдкое, принадлежавшее виленскому университету. Самый переплетъ любопытенъ: на кожѣ вытиснуто распятіе и крестъ, такой, какъ употребляютъ русскіе: съ нижней перекладиной и со словами вокругъ: «І. Н. Ц. І. — ни-ка». Неоспоримое доказательство, что языкъ и вѣра русскіе были тогда владычествующими въ большей части Польши. В. И. Баразинъ.

Польшу, то-есть: Познанскую и Калишскую земли, какъ повѣствуетъ Длугошъ, то это кажется мнѣ мало вѣроятнымъ *)“. Значить, сами поляки того времени ограничивали собственно Польшу, Большую и Малую, вышесказанными землями; остальное же, входившее въ предѣлы королевства называли Россіей и Литвой. Въ большемъ подтвержденіе этого можно было бы привести множество мѣстъ у Кромера, — котораго я придерживусь какъ корифея національныхъ польскихъ историковъ, но ограничусь указаніемъ на слѣдующія его слова въ началѣ XVIII и XX главъ: „Король, осмотрѣвъ Россію, возвратился въ Польшу... По смерти Витовта, бояре литовскіе и русскіе были въ большомъ недоумѣніи что имъ дѣлать **). — Самый титулъ королей польскихъ былъ: „Король Польши, великій князь Литвы, Россіи“, и пр. (Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, etc). — Кстаті о боярахъ (proceres, какъ называетъ ихъ Кромеръ): предки Огинскихъ, Сангушекъ, Чарторьскихъ и другихъ знаменитыхъ фамилій были русскіе; потомки ихъ ополячились, принявъ, по принужденію, католическую вѣру ***). Нетерпимость, которою всегда отличался католицизмъ, и которую теперь даже, въ XIX вѣкѣ, онъ не стыдится проявлять при всякомъ возможномъ случаѣ (напримѣръ, въ нынѣшней распрѣ съ Пруссіей), была поддерживаема всею вла-

*) «Concessit enim Boleslas Sbigneo, fratri, Mazoviam atque Cujaviam et Lenciciensem tractum, caetera ipse cum summo imperii obtingit. Nam quod, Dlugossus, majorem Poloniam, hoc est: Posnaniensem et Caliciensem tractum Sbigneo obtingit, mihi non admodum verisimile sit». В. Н. Каравикъ.

**) «Russia peregrata, in Poloniam Rex revertit»... «Post mortem Vitauti suspensi animis Lithuanorum et Russorum proceres hoerebant quid nam se fierit»... В. Н. Каравикъ.

***) Покойный Вантышъ-Каменскій, бывшій начальникомъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, хорошій мой знакомый, приводитъ, въ своемъ сочиненіи объ «Уніи», множество фамилій русскихъ, ополячившихся во время апогея польскаго владычества. Къ списку, имъ составленному, можно было бы прибавить еще кучу другихъ, еслибъ порыться въ нашихъ и польскихъ архивахъ, особливо въ архивахъ польскихъ монастырей, если только они не очищены папистами. Укажу съ своей стороны на слѣдующія фамиліи, очевидно русскія, бывшія при польскомъ правительствѣ на виду въ XVI и XVII вѣкахъ: Боговидины, Бокіе, Бровскіе, Вячовичи, Вишневецкіе, Войны, Воли, Волынскіе, Глебовичи, Головчинскіе, Горностаи, Гудовичи, Гарабурда, Деревинскіе, Друцкіе, Дубровицкіе, Ермолинскіе, Заславскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кишки, Кирдѣвы, Кмиты, Корецкіе, Кобецъ, Корсакъ, Крошинскіе, Крупницкіе, Ложка, Лукомскіе, Мелеша, Мишковы, Масальскіе, Обуховичи, Огинскіе, Олизары, Острогоскіе, Павловичи, Пацы, Полубинскіе, Пузины, Пронскіе, Рушинскіе, Салеги, Сборовскіе, Симашки, Слудцкіе, Сомовскіе, Соломерецкіе, Тризны, Храповицкіе, Хребтовичи, Чаганскіе, Четвертинскіе, и пр. Часть этихъ фамилій исчезла потомъ изъ Польши, чтобъ появиться снова въ Россіи, уже православными. И легко можно было бы воротить и другихъ въ лоно пражнаго ихъ, настоящаго отечества и сдѣлать преданными ему душою, не оборачивающими взоровъ къ другому, мнимому отечеству.

В. Н. Каравикъ.

стію польскаго правительства. Въ концѣ XIV-го столѣтія изданъ былъ Владиславомъ Ягелло указъ, которымъ, по словамъ Кромера, воспрещалось русскимъ вступать въ браки съ католиками, если не перемѣнятъ вѣры, будь то женихъ, или невѣста *). Затѣмъ шли лишенія: дѣстствъ, званій, правъ и наконецъ — собственности, — словомъ, всѣ принудительныя мѣры, какими отличались Деци и Діоклетіаны первыхъ временъ христіанства. Не удивительно, послѣ этого, что число такъ-называемыхъ поляковъ, возросло, въ нѣсколько сотенъ лѣтъ, до почтенныхъ размѣровъ на счетъ русской крови и религіи, несмотря на неподатливость русскаго человѣка когда дѣло идетъ о вѣрѣ („Russi tenaces religiones, по словамъ Кромера), особливо въ высшихъ сословіяхъ. А сословіе земледѣльцовъ и ремесленниковъ, въ томъ видѣ какъ оно находилось при Піастахъ и избирательныхъ короляхъ, неужели можно назвать государствомъ, имѣвшимъ свое политическое бытіе? Несчастное „bydło“ могло-ли считаться самостоятельнымъ обществомъ людей? А они вѣдь составляли ^{99/100}-хъ народонаселенія Польши. Нигдѣ, ни въ какія времена, ни у какихъ народовъ, классъ этотъ не былъ въ такомъ ужасномъ, въ такомъ униженномъ положеніи, какъ въ этомъ экс-королевствѣ. Религія несчастныхъ этихъ существъ была поругана! что я говорю: религія? Имъ не позволялось имѣть ее! Варварствомъ и мученіями принудили ихъ принять нѣчто въ родѣ вѣры, нарочно для нихъ изобрѣтенное (греко-уніатство), и въ этомъ еще видѣ вѣру эту вслѣдствіи притѣсняли: церкви, покрытыя соломой, — предметъ посмѣянія для поляковъ, — отдавались на оброкъ жидамъ! Подъ страхомъ быть битымъ кнутомъ, несчастный христіанинъ выторговывалъ у грязнаго обрѣзанныка позволеніе войти въ храмъ Божій и тотъ же, покрытый паршею жидъ. (повѣрятъ-ли этому?) — деспотически распоряжался браками, крещеніемъ и всѣми другими христіанскими таинствами!... Невѣжество и варварство увѣковѣчивались систематически: ни школъ, ни судовъ не дозволялось имѣть! Ни въ какомъ случаѣ крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего господина, какъ бы этотъ съ нимъ ни обращался. „Повѣсить его, бездѣльника„! („Zawiesiè jego, Кра!“) провозносилось, не рѣдко, шутя за рюмкой товайскаго, и приговоръ этотъ немедленно исполнялся, безъ дальнѣйшаго суда и расправы. Къ а можно было застрѣлить изъ ружья, какъ собаку, не отвѣчая за его смерть ни передъ кѣмъ, кромѣ его господина: ни полицейской, ни административной власти не было до этого никакого дѣла **). Въ Литвѣ крестьянину не лучше было, какъ и на Волини. Если еще падали жизнь несчастныхъ, то это единственно изъ корыстныхъ разсчетовъ: надобно было жить ихъ трудами! И никогда они не могли имѣть въ виду какого-нибудь улучшенія своей участи. Имъ не дозволялась даже честь прислуживать своимъ господамъ, на это назначалась шляхта, родная по крови. Не было примѣра, чтобы крестьянинъ когда-нибудь, до чего-нибудь дослуужилъ ся. Раскройте

*) «...Legem condidit ne russes et catholices matrimonium», etc. В. Е.

***) «Pravus et barbarus mos apud proceres et equites polonos, ut, iter facientes... и пр. до слова usurpabant». В. Н. Каразинъ.

лѣтописи, или путешествія того времени, чтобъ удостовѣриться въ неложности всего вышесказаннаго. Вотъ, на примѣръ, что разсказываетъ простодушный Кромеръ: „По безнравственному и варварскому обычаю, польскіе магнаты и рыцари, во время своихъ разъѣздовъ, которые они совершаютъ когда и куда имъ вздумается, опустошаютъ поля и луга сельскихъ и городскихъ жителей, вламываются въ ихъ житницы и кладовыя, забираютъ не только фуражъ, но и сѣбстныя припасы; недовольствуясь насыщеніемъ своихъ лошадей и себя, опрокидываютъ и бьютъ, ради потѣхи, все оставшееся, грабятъ конюшни и сарай, выводятъ скотину, выпрягаютъ изъ плуговъ и повозокъ, бьютъ до полусмерти и калѣчатъ ту, которая похуже и забираютъ съ собой ту, которая придется имъ по нраву“; (гл. II, стр. 165 и 166). Замѣтите что историкъ говоритъ: „обычай“ (mos), значить это не считалось преступленіемъ, вещью караемою закономъ, на которую можно было бы жаловаться. И — повѣрятъ-ли? что до сихъ поръ, въ нашъ XIX вѣкъ, несмотря на всѣ старанія благонамѣреннаго нашего правительства положить конецъ страшному произволу пановъ и водворить права челоуѣчества въ бывшихъ подѣ польскимъ владычествомъ губерніяхъ, подобныя вещи случаются! *) Перестаньте же, господа, плавать въ журналахъ и парламентахъ надѣ участью милліоновъ поляковъ, лишенныхъ отечества. Во-1-хъ, собственно поляковъ, т.-е. пановъ и шляхты, этихъ потомковъ Куявскихъ и Мазурскихъ головорѣзовъ, не милліоны, а всего на-всего двѣсти, или триста тысячъ, и изъ этого числа нужно еще исключить всѣхъ тѣхъ, которые, находя себя не дурно при русскомъ правительствѣ, не думаютъ вовсе о безумныхъ возстаніяхъ. А во-2-хъ, собственно народъ, котораго дѣйствительно милліоны, вовсе не поляки, и онъ сталъ дышать немножко свободнѣе съ тѣхъ поръ, какъ возвратился къ тому отечеству, отъ котораго, силою несчастныхъ обстоятельствъ, былъ оторванъ. Перестаньте же ставить себѣ въ подвижъ возбужденіе Европы, ради какого-нибудь полумилліона (считая и женщинъ) бушующихъ дармоѣдовъ, противъ того государ-

*) Кто-нибудь изъ придерживающихся «справы», скажетъ, можетъ быть, чтобы ослабить обвиненіе, что и у насъ, въ Россіи, бываетъ тоже. Пусть докажутъ! Кромѣ рѣдкихъ случаевъ, подвергаемыхъ уголовнымъ наказаніямъ, никогда не было и не могло быть ничего подобнаго въ отношеніяхъ нашихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ: и барщина и оброкъ полагаются закономъ, какъ вознагражденіе за пользованіе землею, принадлежащею помѣщикамъ. Слова батюшка и братецъ обычные, съпоконъ вѣка, зовы съ той и другой, стороны. Въ храмахъ Божіихъ всѣ одинаково стоятъ одинъ возлѣ другого безъ различія состоянія, баринъ и крестьянинъ, старый и малый, привыкаютъ съ раннихъ лѣтъ смотрѣть другъ на друга какъ на равныхъ себѣ людей. А наконецъ и верховная власть блюдетъ за тѣмъ, чтобъ безчелоуѣчія не было, и злоупотребленіе власти господской находить кару. Мы видѣли тому не одинъ примѣръ: всѣмъ памятна прославившая себя жестокостію Т***, при императрицѣ Екатеринѣ II, посаженная за это, не смотря на свой полъ и знатное происхожденіе, навѣки въ монастырь, въ столицѣ, на позоръ общій

В. Н. Каравинъ.

ства, которое не разъ лило, въ пользу этой Европы, кровь снова свонхъ.

Прекрасная картина была вставлена въ безобразную, чугунную рамку; время перержавило чугунъ, рамка распалась, и вотъ, вмѣсто того, чтобъ радоваться что для картины нашлась новая, достойная ея, самымъ Провидѣніемъ указанная, золотая, прочная рамка, — бьются изъ всѣхъ силъ, чтобъ возстановить распавшуюся чугунную!...

Отчего, господа, вы не ратуете за финляндцевъ? Вѣдь это также несчастные, лишенные дорогого своего отечества — Швеции; и ихъ также порядочное число. Правда, что шведовъ въ Финляндіи всего-на-всего съ десятокъ тысячъ наберется, и то нельзя сказать, чтобъ ихъ звали къ себѣ финляндцы; а этихъ побольше милліона и гораздо; при томъ родного со шведами ничего нѣтъ у нихъ. Ну, да это пустяки! Бейте смѣло въ набать!...

Василій Каразинъ.

Харьковъ, 23 февраля 1839 г.

Примѣчаніе. Статья эта написана знаменитымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ эпохи Александра I-го, В. Н. Каразинымъ (род. 1771 ум. 1842 г.) на французскомъ языкѣ и послана была при письмѣ, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

„Мнѣ давно уже надобно восклицанія иностранныхъ публицистовъ, и я все ожидалъ не напишетъ ли кто возраженія? Не находя ничего до сихъ поръ въ нашихъ газетахъ и прочитавъ, надняхъ, номеръ «Journal des Débats», гдѣ въ статьѣ 7-й адреса королю говорится сострадательно о Польшѣ и полякахъ, я не вытерпѣлъ написать то, что давно имѣю въ мысли... Предметъ этотъ заслуживалъ бы формальную задачу отъ Россійской Академіи. Изслѣдованіе его документальное, историческое, сдѣлало бы честь автору, ибо конечно было бы переведено для Европы не на одинъ языкъ. Я уже старъ, но могу рекомендовать источники для другихъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ есть сочиненіе, составленное, по повелѣнію Екатерины, Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ: „Объ Уніи“. Также труды епископа Георгія Конисскаго. Слѣдовало бы обнаружить, что прямыхъ поляковъ горсть, и что сѣтовать о Польшѣ, есть сѣтовать о рамкѣ, не о картинѣ... Польша присоединена къ своимъ давнимъ, великимъ единоплеменникамъ, съ которыми и должна, отнынѣ, составлять одно цѣлое... Шляхта тоже что шведъ въ Финляндіи и Ritterschaft въ Лифляндіи; самый же народъ тѣломъ и душою есть русскій; сами поляки и ихъ историки такъ его называли въ XIV, XV и XVI вѣкахъ... Этотъ историческій взглядъ заслуживаетъ быть, должнымъ образомъ, обработаннымъ... Я былъ бы очень радъ, чтобъ статью мою немножко подправили, прежде чѣмъ напечатать, но очень французить не слѣдуетъ, чтобъ видѣли что не заказная“.

Письмо было адресовано къ одному вліятельному лицу, безъ разрѣшенія котораго авторъ не надѣялся, чтобъ статья была напечатана. Полученъ былъ очень благосклонный отзывъ, но статья все-таки не появилась въ печати, ни въ «Journal de S.-Pétersbourg», ни въ «Journal des Débats», въ каковыхъ изданіяхъ предполагалъ помѣстить эту статью В. Н. Каразинъ. Настоящій переводъ сдѣланъ съ подлин-

нива сыномъ и обладателемъ бумагъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ, весьма обязательно предоставившаго въ распоряженіе „Русской Старины“ многія интересныя бумаги своего достопамятнаго по уму, благородству и твердости убѣжденій покойнаго родителя.

Ред.

— Петръ II Петровичъ Нѣгошъ. Помѣщая ниже подлинное письмо владыки черногорскаго Петра II Нѣгоша къ В. И. Фрейгангу (письмо печатаемъ буквально), считаемъ не лишнимъ предпо-
слать этому документу биографическую замѣтку о покойномъ владыкѣ Петрѣ II, сообщенную намъ И. Я. Вацлякомъ.

„Петръ II Нѣгошъ родился 1 ноября, въ 1813 году, въ селѣ Гераковицахъ, въ племени нѣгущскомъ, въ катунской нахіи (округѣ) въ черногорскомъ княжествѣ. Его называли Раде (Радивой) и имя Петра получилъ тогда, когда его опредѣлили монахомъ. Послѣ смерти черногорскаго владыки Петра I въ 1830 году, Раде назначенъ былъ правителемъ Черногоріи; въ 1833 году, въ присутствіи императора Николая Павловича, Петръ II Нѣгошъ посвященъ въ санъ архіерея и владѣлъ Черногорцами до 18 декабря 1851 г.

Получивъ свое образование подъ руководствомъ сербскаго поэта Симона Милутиновича, Петръ II не былъ ни въ какой школѣ или въ какомъ-нибудь университетѣ и все-таки выучился французскому, нѣмецкому, русскому, итальянскому языкамъ и занимается, какъ поэтъ, первое мѣсто въ сербской литературѣ. Онъ началъ первый распространять въ Черногоріи образованіе въ своемъ народѣ, основаніемъ школъ и типографіи въ Цетини. Въ этой типографіи печатаны его сочиненія и даже книги тамошнихъ сербскихъ дѣятелей: Милутиновича, Милаковича и Караджича. Сочиненія Петра II были слѣдующія: „Пустынякъ Цетинскій“, „Ліеку Ярости турске“, „Молитва Черногорца къ Богу“, это все поэтическія произведенія его молодости. Большія его стихотворенія уже печатаны были въ другихъ мѣстахъ, потому, что во время войны изъ шрифта типографіи цетиньской сдѣланы пули для защиты противъ турокъ. По этой причинѣ долженъ былъ Петръ II напечатать свои стихотворенія „Луча микрокозма“ въ 1845 г., „Отедало Србско“ въ 1846 г. въ Бѣлградѣ и „Горскій Вѣнацъ“ въ 1847 г. въ Вѣнѣ. Послѣ его смерти изданы его стихотворенія: „Кула Дьуришича“ и „Чардакъ Алексича“ въ 1851 г. въ Вѣнѣ, „Ложный царь Стіепанъ Малій“ въ Триестѣ, и въ 1857 году издана любимцемъ покойнаго сербскимъ поэтомъ Любомиромъ Ненадовичемъ, его „Слободіяда“ въ Зетуни (Землинѣ). Петръ II путешествовалъ по Италіи, жилъ въ Неаполѣ, въ Римѣ и въ Венеціи; въ семь послѣднемъ городѣ онъ собиралъ въ тамошнемъ архивѣ историческіе матеріалы для своихъ сочиненій, именно для исторіи самозванца Степана Малаго и познакомился тамъ съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ Василиемъ Фрейгангомъ.“

„Ваше превосходительство! Нѣтъ словъ поблагодарить васъ, за отеческое ко мнѣ попеченіе, за ласку, за гостепримство — о! если бы я могъ выразить на бумагѣ то, что чувствую, тогда бы и вы увидѣли